

ПАВЕЛ ЛАВРИНЕЦ

КОНСТРУИРОВАНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВЕТСКОЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ЛИТВЫ

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛ

Фактор исторической (само)идентификации, наряду с этнической, религиозной и эстетической, культурной, играет существенную роль в структурировании идентичности (Krukauskienė 2002). Одним из каналов формирования исторической идентичности в советский период являлась художественная литература. Нормативный характер литературы соцреализма, выступавшей в функции комментария и иллюстрации идеологических истин, предполагал утверждение установленных форм исторического самосознания. Сущность этой литературы, по известному эссе Виктора Ерофеева, заключается «в пламенном устремлении к внелитературным задачам, созданию „нового человека“, который в диссидентской терминологии скорее известен как *homo sovieticus* и сводится к одномерной общественной функции» (Ерофеев 1996: 425). Одна из внелитературных задач состояла в воспитании идеологически корректного исторического самосознания. Историческая идентичность в художественном тексте конструируется увязыванием его героев и событий с определенным историческим дискурсом, посредством тематической реализации, специфического отбора отраженных в тексте исторических событий, упоминаемых и изображаемых исторических персонажей, оценок событий и героев. Целью исследования является выяснение элементов исторической идентичности и способов ее конструирования в произведениях на русском языке, созданных жившими и живущими в Литве писателями, публиковавшими свои произведения преимущественно в Литовской ССР, ограниченное, ввиду большого объема материала, основными тенденциями и наиболее показательными образцами.

Русская литература в Литве возникала после Второй мировой войны без преемственности с прежней традицией: в 1939–1940 гг. в Виленском крае, а затем и в Литве были ликвидированы прежние формы литературной жизни, а ее участники погибли или подверглись репрессиям (Лавринец 1999; Лавринец 2002; Лавринец 2012). В конце войны в Литву направлялись политически благонадежные

журналисты и литераторы, призванные налаживать местные русскоязычные периодические издания, как об этом рассказывается в книге одного из них, бывшего в 1944 г. (Гельбак 1984а). Например, в редакцию вильнюсской газеты *Советская Литва* в 1944 г. был направлен Г. В. Метельский (Дагите, Страукайте 1978: 154): по его словам, он во время войны начал сотрудничать в отделе рабочей молодежи в газете *Комсомольская правда*, которым заведовал П. А. Гельбак, и Гельбак, получив назначение в *Советскую Литву*, «сманил» Метельского в Вильнюс (Мартынова 1991; Асовский 1996: 6). Иначе попал в Литву из Бобруйска Эфраим Севела: случайно узнав о нехватке журналистов в открывавшейся газете *Молодежь Литвы*, начинающий журналист стал заведующим отделом сельской молодежи и в 1949–1956 гг., живя в Вильнюсе и Каунасе, работал в местной периодической печати (Jankowski 2004: 19–20).

В 1947 г. при Союзе советских писателей Литовской ССР была образована секция начинающих русских писателей (Vosylius 1992: 121), включившая 11 человек, большинство которых работало в русских периодических изданиях (секретарем был избран Игорь Кашницкий, заместителем – Владимир Устинов; оба работали в газете *Советская Литва*). С начала 1950-х гг. в Вильнюсе было издано несколько пьес Гельбака, его же в соавторстве с И. В. Кашницким, сборники стихов В. Устинова (1953), Г. Кановича (1955), затем роман Гельбака *Мой сверстник* (1959) и повесть Кановича *Я смотрю на звезды* (1959). С образованием секции, началом выхода литературно-художественного альманаха Союза советских писателей Литовской ССР *Советская Литва* (1954–1965; в 1966–1978 гг. с измененным названием *Литва литературная*, в 1978–1989 гг. литературный журнал, в 1989 г. сменивший название на *Вильнюс*) и выходом первых книг местных русскоязычных авторов можно говорить об институционализации нового советского русского литературного поля в Литве (Laukkonen 2012: 55), советского и по роли проводников советской идеологии, которую приходилось играть участникам литературного поля в качестве бойцов идеологического фронта: именно эта роль предписывалась советским журналистам.

МОДЕЛЬ ЛИТОВСКОГО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И СХЕМА ИСТОРИИ ЛИТВЫ

Редакционное предисловие к первой книге альманаха *Советская Литва* (1954) задает определенную модель отношений в литовском социалистическом обществе, в котором плечом к плечу работают «литовцы и русские, украинцы и бе-

лорусы – представители всех народов нашей многонациональной Советской державы». Русские очевидно отнесены к тем «замечательным специалистам», которых «прислали в Литву братские советские республики, чтобы помочь литовскому народу в восстановлении и развитии экономики и культуры, в подготовке и воспитании национальных кадров».

Типичная художественная модель трудового коллектива представлена в рассказе об экипаже траулера на Балтийском море, русских и литовцах. Среди его героев – парторг тралмейстер Строгов, похожий «на старого шкипера времен Станюковича или адмирала Невельского»; в Литву он приехал в 1945 г., когда была освобождена Клайпеда (Метельский 1954: 104). Аналогичным образом в документальном очерке реальное лицо, директор Акмянского цементного завода, в Литве «с 1944 года, воевал, демобилизовался, остался жить и не на год и не на два, а совсем, выучил литовский язык и с увлечением перечитал в подлинниках Цвирку и Саломею Нерис» (Метельский 1955: 78).

Действие рассказа И. В. Кашницкого «Песня» начинается в современном литовском колхозе. Один из героев, Стасис Рупейка, рассказал, как зимой 1945 г. на фронте ему напел песню незнакомый сержант, которому, в свою очередь, песню подарил крестьянин в освобожденном литовском селе. Но оказывается, что эту песню знают в Грузии, для тракториста Тараса Омельченко это песня украинская, а инженер Громов спел, как ее поют на его родине; сочинил же ее старик Костас Лауниконис. Рассказ очевидно пропагандирует идею братства народов СССР, закрепленного общим прошлым, в данном случае – совместной борьбой против немецких захватчиков в 1941–1945 гг. (Кашницкий 1972).

Как правило, время прозаических и поэтических текстов – настоящее (как в приведенном выше примере), а прошлое возникает в памяти или диалогах персонажей в прозе или в памяти лирического Я стихотворных текстов. Характерный пример представляет собой рассказ о том, как колхозница Мария Бинкене, депутат апилинковского и районного Советов депутатов трудящихся, вступает в Коммунистическую партию, а ее память воссоздает «тот июльский день, когда на хутор долетела весть, что Литва стала советской», и митинг в волости, на котором «молодежь в сторонке разучивала слова русской песни “Широка страна моя родная”» (Гельбак 1954: 15). Прошлое включает ожесточенную классовую борьбу: дочь героини рассказа была советской активисткой, женоргом волости, и погибла от рук кулаков. Из реальных персонажей прошлого в рассказе упоминаются Сталин, книгу которого *Вопросы ленинизма* Бинкене прочитала вслед за дочерью Анеле, и Николай Островский («Знаменитый русский писатель-коммунист. К сожалению, давно умер»; Гельбак 1954: 22): на героиню рассказа произвели впечатления выписки, которые дочь делала из его сочинений.

Сходным образом в стихотворный рассказ о командировке в колхоз вмонтированы эпизоды заключительного этапа войны, послевоенная коллективизация и сопротивление кулаков, ксендзов, бандитов (Дидусенко 1954). В очерк Г. Лопухина о многонациональном коллективе траулера включено хронологическое отступление о войне, когда погибли отец и брат второго механика Юрия Васькова, другие братья погибли от голода, сестра от воспаления легких в оккупированной деревне на Великолуковщине (Лопухин 1960).

Благополучное советское настоящее и еще более счастливое будущее предстают закономерным результатом исторического процесса, который рисуется последовательными этапами борьбы прогрессивных сыновей Литвы в союзе с русским и другими народами за социальное освобождение, против внешних и внутренних врагов. Соответственно в тематический репертуар входили «классовая борьба, сопротивление кулачества, портреты передовых доярок, свинок, трактористок и т. п.» (Jankowski 2004: 76). За плечами героев рассказов и очерков обычно «восстановление советской власти», как официально трактовалась оккупация и советизация Литвы, война, а также эпизоды столкновений с кулаками (Севела 1955: 200–201; Вольф 1956: 228–241), с «бандами польских и литовских националистов, окопавшихся в лесу» (Гельбак 1955: 104). В обращениях к периоду войны, как правило, описывается или упоминается участие литовцев в частях советской армии или советских партизанских отрядах и русских в боях за освобождение Литвы. Так, герой одного из рассказов – слесарь-инструментальщик Пятрас Касперавичус, в годы войны воевавший «в одном из литовских соединений» и был ранен под Орлом (Адабашев 1957: 132). В рассказе Кашницкого встречаются инженер Градов и секретарь колхозной парторганизации Юргайтис, которые, оказывается, во время войны сражались в составе одного корпуса. При этом танкист Градов в 1944 г. спас от смерти жителей окрестных деревень, запертых в заминированной школе, к которой его привел дед Бальчюнас, герой Порт-Артура (Кашницкий 1961; рассказ впоследствии также был включен в сборник писателя: Кашницкий 1989). Приход советских войск оказывается спасительным в рассказе о батраке Владеке из имения графа Валевского (Куренков 1956). В прошлое войны переносит читателя рассказ Кашницкого «Крылья», когда совместно воевали против немцев русский летчик, сын литовца лесника Андриус, партизаны; в повествование включено отступление о событиях июня 1940 г. (Кашницкий 1966; позднее рассказ был переиздан в составе сборника: Кашницкий 1989). В рассказе о матросах партизанах Великой Отечественной войны сближаются эпохи гражданской войны и войны против немцев как две фазы одной и той же борьбы: к партизанам попадает вступивший в народное ополчение профессор

историк, который во время гражданской войны был ленинским комиссаром (Колесников 1966).

В стихотворениях Владимира Устинова из событий прошлого выделяются эпизоды революционной борьбы: рабочие забастовки, «первомайские собрания трудящихся», которые в 1896–1897 гг. проводил Дзержинский в лесу Каролинка под Вильнюсом (Устинов 1954: 26), первый съезд компартии (Устинов 1954: 26–27), демонстрации и забастовки 1905 г. в Вильнюсе (Устинов 1954: 28). К событиям революции 1905 г. отсылает стихотворение «Пятый год. На Трехкрестовке ветер...», посвященное «Памяти вильнюсских гимназистов, ставших большевиками в 1905 году» (Кобрин 1974).

Редкий случай обращения к другим временным пластам, за пределами XX в. и отдельных эпизодов национально-освободительной и революционной борьбы XIX в., обнаруживается в стихотворении Ю. Григорьева, в котором упоминания о «травах Грюнвальда и Непрядвы» (Григорьев 1967: 66) читаются как отсылки к Грюнвальдской битве и сражении на Куликовом поле. Такое соседство может интерпретироваться как обозначение сходства двух битв и исторических судеб литовского и русского народов (год спустя после публикации в альманахе *Литва литературная* стихотворение вошло в книгу стихов поэта и переводчика: Григорьев 1968: 9–10; о его литературном поведении см.: Laukkonen 2012: 96–107).

Исторические эпохи более отдаленные, чем события революционной борьбы начала XX в., «социалистической революции» 1940 г., Великой Отечественной войны и послевоенных лет, находили отражение преимущественно в документальной прозе. Например, в путевом очерке Метельского упоминается древность Шяуляй, принадлежность города польским королям, Яну Сапеге, графу Зубову, а крестьянское восстание 1769 г. в шяуляйской экономике Тизенгаузена, «потомка немецких псов-рыцарей», трактуется как доказательство преемственности революционных традиций (Метельский 1955). В очерке о янтаре, его добыче и обработке в Литве и Калининградской области автор цитирует Мицкевича в переводе Пушкина, упоминает древних пруссов, Тевтонский орден, польского короля Яна Собеского, легенду о Юрате и Каститисе, добатыевы мастерские по выделке янтарных украшений на Руси, стихи Майрониса, С. Нерис, Л. Гиры, А. Венцлова, В. Вальсюнене, Й. Шимкуса о янтаре, литовского историка Симанаса Даукантаса (Метельский 1960б).

Последовательно противопоставляется неблагоприятная ситуация XIX в. и межвоенной поры («буржуазное время») с низким уровнем развитием экономики, промышленности, культуры, «духовной нищеты» Укмерге («город лавочников, купцов и мелких ремесленников» до «установления в Литве советской

власти»), Видишкяй, Паневежиса, Шяуляй, Акмяне расцвету всех областей жизни при советской власти («Там, где раньше был лишь костел да кабак, теперь виднеются здания школ, библиотек, клубов-читален») (Метельский 1955). В другом очерке также речь идет о «литовской буржуазии», «буржуазном режиме»: «Отторгнутая империалистами от Советской России, от емких рынков сбыта на востоке, буржуазная Литва так и не смогла наладить промышленную разработку янтаря» (Метельский 1960б).

В ином ключе противопоставляется советская действительность как наступившая эра социальной справедливости прошлому в рассказе, в котором старик Линкус радуется, что его сын Римантас поступил в университет – первый из всего рода, представители которого строили университет, сторожили его и убивали, но не имели права в нем учиться (Оверко 1954). Иначе оформлено противопоставление мрачного прошлого и благополучного настоящего в документальном очерке «Судьба деревни Пирчюпис», с трагической историей деревни, сожженной немецко-фашистскими оккупантами за связь жителей с партизанами в 1944 г., где описано также восстановление колхоза и будни его работников (Метельского 1961).

В одном из очерков описывается принципиально новая печатная машина, работа над которой идет в лаборатории, расположенной в «тяжелом, построенном несколько веков назад, здании бывшего Базилианского монастыря», где «когда-то сидел в заточении великий польский поэт Адам Мицкевич» (Метельский 1957: 190). Экскурсы в прошлое присутствуют также в книгах очерков *В краю Немана* (Метельский 1957а) и *Янтарный берег* (Метельский 1969б). В первой из них, в частности, дается краткий набросок истории Вильнюса и его достопримечательностей, других населенных пунктов и местностей, с особым акцентом на послевоенное восстановление и хозяйственный и культурный расцвет при социализме. Отдельные очерки посвящены Ф. Э. Дзержинскому и его революционной деятельности в Вильнюсе и Каунасе, освобождению Вильнюса и генералу И. Д. Черняховскому. Вторая знакомит с побережьем Балтийского моря от Гданьска до Клайпеды, с «солнечным камнем» янтарем и местах, где некогда жили древние пруссы. В описании балтийского побережья, особенно Калининграда и Калининградской области, многие страницы посвящены описанию мест, где сражались русские солдаты под командованием Кутузова и Суворова. Отступления о прошлом литовского курорта, с упоминаниями Мицкевича, но также и путей транспортировки ленинской газеты «Искра» и событий войны, привычным для этого автора образом введены в очерк о Паланге (Метельский 1985: 159–167).

ПАНТЕОН ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

От модели истории зависит отбор исторических персонажей. Например, в повести для юношества Гельбака этапами истории оказываются установление в Литве советской власти в 1918 г., гражданская война, включившая в себя сражения конармейцев Гая с захватившими Вильнюс белополяками и бандами Булак-Булаховича. Главный положительный герой, пример для подражания – командующий ВВС СССР Я. В. Смушкевич, уроженец Рокишкиса (отмечается, что указ о сооружении его бюста на родине героя был издан в 1939 г., «когда в Литве, значит, и в Рокишкисе, у власти еще находились литовские фашисты»). Его биография стала интегральной частью повести, удостоенной второй Всесоюзной премии в 1970 г. за лучшее художественное произведение для детей и юношества. Сокращенный вариант был опубликован в альманахе *Литва литературная* (Гельбак 1970), затем она была включена в книгу *Земляки* (Гельбак 1975), в которую вошла также повесть «Гроза в июле». Ее герой – литовец Иосиф Варейкис, советский партийный и государственный деятель.

В документальном романе Г. И. Некрасова и Г. В. Метельского *Флаг свободы* действие происходит в Вильнюсе во время войны, среди его героев – реальные подпольщики Юозас Витас, Ян Пшевальский, Александр Мажуц, Макар Корбликов, София Модейскер (отрывок: Метельский, Некрасов 1956; отдельное издание Метельский, Некрасов 1957). В документальной повести о старом большевике Йонасе Путейкисе, участнике Октябрьской революции в воспоминаниях героя рисуются социальные конфликты, сорванный в костеле молебен за царя, манифестации и слухи о демонстрациях и забастовках 1905 г., деятельность «подпольного комитета РСДРП (б)» в литовской провинции (Рокишкис, Дусетос), рассказы «стариков о том, как зверствовали в этих местах солдаты Муравьева-вешателя» (Гельбак, Кашницкий 1958). К такого рода произведениям примыкают документальные очерки о деятельности в Каунасе в 1944 г. комсомольца-подпольщика (Воробьев 1958), серия из четырех документальных очерков о подпольщиках литовцах и русских, действовавших во время войны в Каунасе, о русских и литовцах – героях Великой Отечественной войны, отличившихся при освобождении Литвы (Кашницкий 1974).

В стихах Владимира Устинова вспоминаются Сераковский и Калиновский, всходившие на эшафот в том месте, где воздвигнут памятник Ленину, у подножия которого в настоящем времени советского благополучия играют дети (Устинов 1954: 24–25), революционная деятельность Дзержинского в Вильнюсе в конце XIX в. (Устинов 1954: 25–26). В стихотворении «Наш Вильнюс» городу придает

значимость то, что здесь «Дзержинского звенело слово» и «проходил здесь Ленин / по его широким площадям» (Устинов 1954: 28–29). Своего рода освященность Вильнюса самым пребыванием в городе Ленина в 1895 г. поддерживалась документальным очерком (Бикулич 1968).

В пьесе *Умом и сердцем* изображены эпизоды жизни Дзержинского, начиная с конца XIX в., когда герой был еще гимназистом. Среди персонажей пьесы – рабочие Вильно и Ковно разных национальностей, фабрикант Дубовский, директор гимназии Скочинский, его жена и дочь, жандармы, прачка Стефа, швея Антосе, безымянная цыганка, поручик Василевский, деятель социал-демократической партии Йонас Юodka. Многие эпизоды пьесы подчинены не только прославлению «железного Феликса», но и пропаганде пролетарского интернационализма. В сюжет включены организационные и идеологические споры Дзержинского с Горецким, сторонником националистической линии в польской социал-демократии; в споре Дзержинский, выступая за вхождение Литовской социал-демократии в РСДРП, выступает за Россию Герцена и Ульянова, против России Муравьевых-вешателей (Канович, Ханеев 1960).

В произведениях других авторов конструируется своего рода преемственность с деятелями национально-освободительного и революционного движения. Примером могут служить стихи Ю. Л. Кобрин, лирическому герою которых близки Мицкевич и филоматы, ленинские идеи, зародившиеся «после сашиной казни» (т. е. казни народовольца А. И. Ульянова; Кобрин 1974: 72–73), и максимализм «вильнюсских гимназистов, ставших большевиками в 1905 году», стихотворения «Пятый год. На Трехкрестовке ветер...» (Кобрин 1974: 73–74; стихи с вариациями позднее воспроизводились в многочисленных сборниках стихов поэта; о его автоканонизирующем литературном поведении см.: Laukkonen 2012: 146–162).

В сборник рассказов *Лесовичка* Метельский включил рассказ «Пилигрим» о юных годах Адама Мицкевича в Вильнюсе. Рассказ создает образ многоязычного, многокультурного Вильнюса, увиденного глазами приехавшего в город молодого человека, с «беспорядочным потоком всевозможных повозок – крестьянскими телегами, длинными еврейскими дрогами, извозчичьими пролетками, фаэтонами»; все это «двигалось в страшной суматохе, беспорядочно галдя и ругаясь на польском, русском, еврейском, литовском, татарском и даже немецком языках» (Метельский 1960: 211). Среди героев рассказа – реальные исторические фигуры филоматов Юзефа Ежовского, Юзефа Ковалевского, Зыгмунда Новицкого, Яна Чечота, Томаша Зана, Франтишека Малевского, сына ректора университета Шимона Малевского, профессора Иоахима Лелевеля, возлюбленной поэта

Марыли Верещак, сенатора Новосильцева, подпоручика Михаил Бестужева-Рюмина, будущего декабриста. Среди эпизодических персонажей – префект Добровольский, который помог Мицкевичу освоиться в новом и незнакомом для него Каунасе, а когда поэт заболел, то пригласил уездного лекаря Ковальского, и доброжелательный сторож кельи Мицкевича во время ареста Иван Лукич. Главный герой повести Метельского «Во граде Вильно достославном», включенной в книгу *Быстры, как волны...* (Метельский 1981), – украинский поэт Тарас Шевченко, которому советская идеология отводила роль борца против социального и национального гнета. Повесть отражает эпизод биографии поэта, когда он был привезен в Вильнюс помещиком Энгельгардтом и обучался у художника Рустема, и глубокие впечатления, оказанные на Шевченко Вильнюсом, его зданиями, скульптурами, органной музыкой костелов.

Показательна в этом отношении также повесть Метельского об известном деятеле национально-освободительного движения, одном из руководителей восстания 1863 г. Зыгмунте Сераковском (Зигмонтас Серакаускас) «Доленго», изданная в серии «Пламенные революционеры». В первой части повести рассказывается о тайном кружке из офицеров-поляков, которым в Петербурге руководил Сераковский, во второй – о его участии в боевых действиях повстанцев, пленении и казне в Вильнюсе.

КЛЮЧЕВАЯ ТЕМА ВОЙНЫ

Большое место в произведениях русской советской литературы занимает тема Великой Отечественной войны. Повести и рассказы Л. М. Вайсберга «Снаряды», «Повесть об одном человеке в большой войне», «Антон, сын Антанаса», «Петенька из „колдовской“ эскадрильи» в целом вписываются в канон русской военной прозы 1960–1970-х гг. Особенностью их является то, что среди персонажей автора фронтовика оказываются литовцы – участники войны, литовцы в эвакуации в глубине России; действие некоторых его произведений привязано к литовской территории. Из этого ряда выпадает рассказ «Петенька из „колдовской“ эскадрильи» (первая публикация: Вайсберг 1972), персонажи которого носят имена героев толстовского романа-эпопеи *Война и мир* – командир эскадрильи Давыдов, командиры звеньев Долохов и Денисов, летчик Петя Ростов.

Великая Отечественная война, в которой плечом к плечу сражались против общего врага литовцы, русские, евреи – тема рассказов «Крылья», «Серебряная мелодия», «Последний патрон» и повести «Берег левый, берег правый...» Каш-

нического, публиковавшихся в разные годы и включенных в итоговый сборник (Кашницкий 1989). Утверждению идей интернационализма и родственности судеб литовского и русского народов, скрепленной общей живой памятью о войне, служил очерк «Всем смертям назло» о восстановлении контактов фронтовых друзей, один из которых оказался в Вильнюсе, другой – в Тамбове, но остаются связанными общими эпизодами войны на литовской земле (Кашницкий 1969).

Многие прозаические и поэтические тексты о войне или содержащие те или иные отсылки к памяти о ней не связаны с Литвой местом действия или персонажами литовцами. Например, в одном из стихотворений речь идет о фронтовых письмах и встающих за ними воспоминаниями о войне; война трактуется как идеологический конфликт: «За право жить по-ленински дрались мы» (Горбунов 1958: 134). О войне также другие стихотворения (Веллер 1958: 149), подборка стихов М. Зака под рубрикой «Из фронтовой тетради» (Зак 1963), стихотворение «После боя» (Зак 1969), стихотворение, посвященное Зое Космодемьянской (Кобрин 1972).

Воспоминаниями о войне отмечены подборки стихов «Из фронтовых дневников» (Артемов 1961) и «У старых окопов» (Артемов 1975), стихотворения «Сердце солдата», «Воспоминание», «Крещение» («Война меня крестила в сорок первом / в родной деревне, / на крутом снегу...»), «Костел» («Костел стоит над миром / как память страшных дней – / он был ориентиром / для наших батарей...»), «День весь в разрывах и пальбе...», «Бронебойщик» (Артемов 1978). Значимость войны для исторического сознания авторов и читателей иллюстрируют стихотворения «Мать» с изображением матери у обелиска, рядом с которым похоронен ее сын, рядовой Смирнов (Коновалов 1973), стихотворение «... я вырос в деревне» («Совсем еще мальчик под тучей суровой, / Под окрики злые бандитов фашистских, / Я молча стоял над погибшей Коровай / И плакал, как плачут о кровных и близких»; Баранов 1973). Память о войне своего рода лейтмотивом проникает во многие произведения с различной проблематикой и на разные темы. Выразительная иллюстрация – рассказ о заключительном этапе войны в Чехословакии, выдержанный в необычной для произведений на военную тему юмористической интонацией и с комичным сюжетом (Пономаренко 1962). К памяти о войне отсылает рассказ о детской игре, в которой современные Вовка, Павлик, Славка играют в партизан и фашиста (Моргун 1974). В стихотворении о Вильнюсе столица Литвы предстает объектом агрессии в прошлом, когда к его стенам «подступали с катапультами, / С мечом под рысью, с лезвием, с культами / Царей небесных и земных»; в настоящем также существует угроза («грозят — за пультами, / Орбиту вычислив на них»), от которой город оберегает

«вал дружбы» (Рыбочкин 1966); ср. в стихотворении «Вильнюсу»: «Немало знал пришельцев он, из зарубежных стран, / в одежде каменной своей немало прячет ран» (Устинов 1953: 35).

С доминированием военной темы в литературе и представлением о современной эпохе как борьбе сил социализма с капитализмом, битвой за коммунизм связаны симптоматичные военные и армейские метафоры и сравнения, например, в стихах на совершенно мирные темы: «По-воински равняется квартал», «Партии рядовой», «Вот так перед новой атакой / Бойцам-новичкам не спалось...», «Хотел бы я, как ротный запевала, / Своею песней звать и звать в поход / И, как бывало с ротой, без привала / Идти вперед, с тобою, мой народ» (Горбунов 1960).

Период Великой Отечественной войны акцентирован в документальных очерках и автобиографических повестях «Ехали дрожки...», «Автобиография, написанная в дополнение к личному листку по учету кадров», «Завещание солдата», вошедших в две книги Гельбака (Гельбак 1984а, Гельбак 1984б). На войну приходится часть сюжета романа *Сын чекиста* (Гельбак 1974), в центре которого – судьба сына красного матроса Арсения Рывчука, сражавшегося против григорьевцев на Украине, вступившего в Чека и партию большевиков, затем ставшего директором завода в приволжском городе, потом отправленного в Испанию. Мальчик был пионером, конфликтовал с неверно толкующим события гражданской войны учителем – украинским националистом, учился в строительном техникуме и участвовал в стройке межколхозной электростанции в кавказских горах, накануне войны поступил в училище пограничников, во время войны возглавил диверсионную группу в партизанской бригаде. Упоминание бомбардировки Каунаса, наряду с другими «нашими городами» (Житомир, Киев, Севастополь), эпизодические персонажи капитан Диглис, переживающий в госпитале за свою семью, оставшуюся «в небольшом литовском городке вблизи прусской границы», и парторг партизан Руденас, налет советских бомбардировщиков на Клайпеду исподволь включают Литву в нарратив советской истории.

РАЗНОВИДНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Многочисленные произведения в прозе и стихах целиком посвящены событиям прошлого (коллективизация в СССР, Великая Отечественная война) или включают в себя эпизоды прошлого, при этом действие разворачивается не в Литве, а на территории России, в русской среде, иногда в Белоруссии. Таковы рассказы и повести крупнейшего русского писателя Литвы Константина Воробьева, изо-

бражающие гражданскую войну, борьбу красных и белых в селе Шелковке под Курском («Серебряная дорога», 1960), довоенное время и деревенское детство, Донбасс, Дальний Восток («Синель», 1957), события партизанской войны («Бес-смертие», 1955; «Подснежник», 1956) и другие, печатавшиеся в альманахе *Совет-ская Литва* и затем, как правило, включавшиеся в состав сборников рассказов писателя.

Наибольшей известностью из числа таких произведений Воробьева пользо-вались «Сказание о моем ровеснике» и «Тетка Егориха», отсылающие к временам коллективизации, и повести военной тематики «Убиты под Москвой», «Крик» (Воробьев 1962), «Генка, брат мой... (Записки танкиста)»; они входили в различ-ные сборники (Воробьев 1962; Воробьев 1976; Воробьев 1978; Воробьев 1984). К произведениям такого типа можно отнести также роман *Скрещенные стрелы* и рассказ «Выстрел» Метельского (1969а; 1994), действия которых происходят во время войны в маленьком провинциальном городке. Тот же «русский нар-ратив» представлен в рассказах В. Коновалова «Куручка Ряба», изображающем голодное послевоенное детство (Коновалов 1978), или «Сад моей матушки», в котором картина современной русской жизни сопровождается отступлениями в хронологически удаленные эпохи дореволюционного времени и конца войны (Коновалов 1985а). Повесть, вместе с двумя другими повестями и рассказом «На-учиться ходить», вошла в одноименный сборник писателя.

Внешним сходством с такого рода произведениями отмечен рассказ В. Бара-новского «Плач в тишине»: действие приурочено к началу войны (в хронологиче-ском отступлении, поданном в диалоге персонажей, упоминается также 1939 г., когда немцы напали на Польшу). Сюжет прощания еврея с знакомыми русскими, сердобольно снабжающими его в дорогу хлебом и солониной, развивается в не-названном городке в Латвии, в котором по упоминаниям Двины, Нового Строе-ния, Старого Форштадта можно узнать Даугавпилс (Барановский 1978). В пове-сти «Проклятие», публиковавшейся в журнале *Вильнюс* в конце 1990 г., действие разворачивается в нелокализованном пространстве русской деревни в первые дни войны. Иного рода ретроспективный нарратив представлен историко-био-графическими повестями, посвященными советскому партийному и государ-ственному деятелю П. Г. Смидовичу (Метельский 1976), русскому музыкальному деятелю XIX в. А. И. Рубцу (Метельский 1983), русскому деятелю революционно-го движения И. Т. Фиолетову (Метельский 1984).

Особняком стоят рассказы, повести и романы Г. Кановича, составившие своеобразную историческую сагу евреев Литвы. Нравственным исканиям ев-рейского мальчика из литовского местечка посвящены уже первые повести пи-

сателя «Я смотрю на звезды» (1959), «Личная жизнь» (1967). В трилогии *Свечи на ветру*, в которую вошли романы *Птицы над кладбищем* (1974), *Благослови и листья, и огонь* (1977), *Колыбельная снежной бабе* (1979) действие происходит в 1937–1943 гг., в цикле романов *Слезы и молитвы дураков* (1983), *И нет рабам рая* (1985), *Козленок за два гроша* (1987) воссоздается прошлое еще большей дистанции: он посвящен жизни еврейского местечка в Литве конца XIX – начала XX вв. Предвоенные, военные, послевоенные годы, также сквозь призму судеб литовского еврейства, присутствуют в романах *Улыбнись нам, Господи* (1989) и *Не отвори лица от смерти* (1992), а также в написанных уже после репатриации в Израиль в 1993 г. *Парк евреев* и *Шелест срубленных деревьев* (печатались в журналах *Октябрь* и *Вильнюс* в 1996–1997 и 1999–2000 гг.). Творчество Кановича идеально укладывается в теоретическую парадигму русско-еврейской литературы (см. работы крупнейшего специалиста в этой области Ш. Маркиша, также В. Хазана, Ф. П. Федорова и других). Большая часть его прозаических произведений конструирует историческую идентичность литовских евреев. Симптоматично, что в своих интервью писатель говорил о том, что он – не русский писатель, потому что пишет о литовских евреях, не еврейский, потому что пишет по-русски, и не литовский, потому что пишет не на литовском языке (Bartasevičius 1993); в изданиях текущей библиографии книги Кановича, издававшиеся в Литве на русском языке, размещались в рубрике литовской литературы.

ТРАНСФОРМАЦИИ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ НАРРАТИВОВ

Социально-экономические перемены, упразднение идеологической цензуры, коммерциализация издательского дела в конце 1980-х – начале 1990-х гг. определяли изменения в условиях творческой деятельности, тематике и тональности произведений. Образы прошлого и его героев в произведениях русских авторов Литвы начинают претерпевать изменения со второй половины 1980-х гг. Примером отхода от прежних идеологизированных схем отношений с прошлым может служить рассказ поэта и переводчика Ю. В. Григорьева, в котором обычная для русской советской прозы ретроспекция из современной эпохи в прошлое обращается к нетривиальной для сочинений русских писателей Литвы эпохе Первой мировой войны, затем XIX в. и осложняется появлением призрака короля Зигмунта Августа (Григорьев 1987). Признаком происходящих перемен стала смена тематической ориентации в творчестве таких участников русского литературного поля в Литве, как В. С. Барановский (переход к исторической и старообряд-

ческой тематике), Г. В. Метельский (переход от историко-биографических книг о революционерах к историко-биографическим повестям и романам о поэтах), Г. В. Озеров (переход от рассказов о жизни рыбацких и других трудовых коллективов к фантастическим, детективным, историческим сюжетам, например: Озеров 1997), В. А. Асовский (появление исторической темы в стихотворениях, например, «Пир князя Радзивилла», см.: Асовский 1989; стихотворение вошло в книгу стихов Асовский 1992).

Любопытную параллель к произведениям Кановича образует историческая повесть Валентина Картьяла «Ушкуйники», публиковавшаяся с продолжением на страницах вильнюсской газеты *Вечерние новости* в 1994 г. Повесть посвящена далекой истории Вятского края и взаимоотношениям местных жителей мари-йцев с новгородскими ушкуйниками, обосновавшимися на Каме. Выбор темы исторического нарратива для автора, мари-йца по происхождению, оправдан, очевидно, тем же поиском опоры собственной идентичности, которым к теме литовского еврейства обратился Канович. Вероятно, справедливо предположение, что аналогичные, но уже не столько этнические, сколько конфессиональные аспекты (связанные, тем не менее, с национальной культурой) идентичности побудили Барановского обратиться к старообрядческим темам и, в частности, к ярким эпизодам и личностям истории старообрядчества в России.

В рассказе Барановского «Погребение младенца» реализуется трагический сюжет братоубийственной борьбы в неподдающимся идентификации городе, но определенно расположенном в советизированных перед войной балтийских странах (о чем говорит скупые, но выразительные детали, помеченные «сороковым годом»), при этом в старообрядческой среде (Барановский 1994в). В повести «Супротивцы» воссоздаются эпизоды истории русского старообрядчества, в повести «Багряный град» (датирована 1985 г.) раскрывается характер носителя старовойсковой морали в тяжелом испытании нравственного выбора во время Второй мировой войны на территории Латвии (повести вместе с повестью «Удар колокола» вошли в книгу Барановский 1989; см. Барановский 2013: 12–92; 262–319). Теме истории старообрядчества без связи с Литвой посвящена также историческая повесть Барановского «Боярыня Морозова» (опубликована в журнале *Вильнюс* в феврале – апреле 1993 г., отдельной книгой издана в Латвии в 2008 г.). Отдельно печатался рассказ о знаменитом изографе Симоне Ушакове и боярыне Морозовой, вводящий тему трагической истории старообрядчества. Тема верности семейным ценностям и старой вере раскрывается в рассказе о трагической судьбе сыновей знаменитого старообрядческого проповедника Аввакума Петрова (Барановский 1994б; переиздание: Барановский 2013: 193–201). Эпизод

с прениями старообрядца Никиты Добрынина с никонианами в Москве, на фоне жизни стрельцов, в большинстве своем исповедовавшими «старую веру», в царствование Софьи Алексеевны, художественно воплощен в рассказе «Ради веры святой» (Барановский 1994г; под названием «„Единоревнители“»: Барановский 2013: 185–193). Истории старообрядчества (вернее, предыстории) касается исторический рассказ Барановского о немецком враче Энгельгардте, предсказавшем царю Алексею Михайловичу «большие перемены в церковном устройении», на что царь не обратил должного внимания (Барановский 1994а; переиздание: Барановский 2013: 159–165).

Героями историко-биографических романа и повестей Метельского, автора посвященного А. К. Толстому стихотворения «Бал» и нескольких стихотворений, посвященных Тютчеву, стали русский поэт Толстой (Метельский 1995а; отрывки романа печатались в вильнюсской газете *Эхо Литвы*: Метельский 1993а; Метельский 1993б), русский миллионер-промышленник С. И. Мальцов (Метельский 1995б; глава из повести в *Эхо Литвы*: Метельский 1993в), русский поэт Ф. И. Тютчев (Метельский 1995в; глава из повести в *Эхо Литвы*: Метельский 1993г). К такого рода произведениям примыкает рассказ Барановского, действие которого начинается в петербургском салоне второй половины XIX в., а в памяти героини рассказа воскресают обстоятельства знакомства с А. С. Пушкиным у Олениных, свидания с ним в Тригорском и Петербурге, впечатление, произведенное гибелью поэта на дуэли в 1837 г., знакомство с композитором М. И. Глинкой (Барановский 1999). Применительно к таким произведениям позволительно говорить о национальной историко-культурной идентичности.

Резко отличается от конвенциональных и распространенных форм обращения с временными пластами *Уйти, чтобы вернуться* Григория Озерова (главы из романа публиковались в сентябрьском номере журнала *Вильнюс* 1993 г.). В неряшливо написанном, рассчитанном на массового читателя произведении используются композиционный прием, отдельные сюжетные ходы и эпизоды романа М. А. Булгакова *Мастер и Маргарита* (на это обращали внимание первые рецензенты, см.: Бахметьева 1993), элементы фантастики и поверхностной сатиры. Избегая «обращением к вечным и высоким вопросам ввергнуть читателя в скуку», как изящно выразился один из рецензентов (Александровичюс 1994), писатель насытил роман фантастическими эпизодами и чудодейственными средствами. Главный герой «романа-хроники» – Костас, он же Иисус Христос, неоднократно перерождавшийся: он выступает в облике студента в Вильнюсе, участника патриотической тайной студенческой организации в 1950 г. в Вильнюсе, переживает сибирские лагеря и ссылку, работает санитаром в психбольнице, исцеля-

ет людей в качестве врача-экстрасенса. Действие протекает в Палестине времен Христа и в Биржай, Тельшай, Вильнюсе в 1940 г. и в послевоенные 1940–1950-е гг., в Сибири и вновь в Вильнюсе в 1980-е гг., со схематично обрисованным сопротивлением против циничных сотрудников госбезопасности, партработников, комсомольских функционеров.

Перу Озерова принадлежат также две компилятивные документальные повести, в которых была предпринята попытка воссоздать фигуры литовских исторических деятелей, в традиционном восприятии тесно связанных с историей Руси и русского (точнее русинского, восточнославянского православного) населения Великого княжества Литовского. Первая из них посвящена князю Даумантасу (Довмонт) и вышла двумя изданиями (Озеров 1999; 2000а). Подступом к этой теме был небольшой очерк «Князь Тимофей-Довмонт» (1996а) в журнале *Вильнюс*, в некотором роде продолжавший многочисленные компилятивные публикации автора о православной традиции в Литве – о Свято-Духовом монастыре, Евфросиниевском кладбище в Вильнюсе, православных виленских мучениках, публиковавшиеся в журналах *Лад* и *Вильнюс* (например, Озеров 1996б; 1996в и многие другие), а также компилятивные статьи о русских православных святых и православных праздниках в газетах *Голос Литвы*, *Эхо Литвы*. Повесть о Довмонте была напечатана в журнале *Вильнюс* в первых двух номерах за 1999 г., затем вышла отдельной книгой. Герой второй «документальной» повести – великий князь Альгирдас (Ольгерд), с правлением которого традиционно связывают укоренение в Вильнюсе православия (Озеров 2000б).

ВЫВОДЫ

Прозаические, драматические, стихотворные тексты альманаха *Советская Литва* (*Литва литературная*), журнала *Литва литературная* (*Вильнюс*) и многие другие произведения, публиковавшиеся отдельными изданиями, в газетах и сборниках до середины 1980-х гг., отражают советскую модель истории Литвы, в которой особо выделяются периоды советизации (так называемая социалистическая революция 1940 г., ознаменованная митингами и ожесточенной борьбой против внутренних врагов – кулаков и ксендзов) и Второй мировой войны (Великая Отечественная война; борьба литовцев совместно с русскими и представителями других народов СССР против внешних врагов – немецких фашистов). Обращение к периоду межвоенной Литовской Республики выявлено только в очерках. Этот темный «буржуазный период» используется как контраст светло-

му социалистическому настоящему. Реальные деятели прошлого, – герои национально-освободительной борьбы XIX в. (З. Серакаускас), носители прогрессивных общественных и художественных идей (А. Мицкевич, филоматы, И. Лелевель), – оказываются предтечами, единомышленниками и союзниками деятелей коммунистического движения начала XX в. (Ф. Дзержинский, Я. Смушкевич, Ю. Варейкис), которые в свою очередь являются примером для современников. Настоящее выступает закономерным итогом и в некотором роде финалом классовой и национальной борьбы.

Во второй половине 1980-х гг. наметился поиск новых отношений с прошлым, достаточно отчетливо проявившихся, начиная с середины 1990-х гг. Произведения Г. В. Метельского и некоторых других прозаиков создают лишенный советских идеологических акцентов историко-культурный нарратив с иным, чем прежде, типом героев истории. В рассказах и повестях В. С. Барановского, связанных с драматическими страницами истории русского старообрядчества, выступает конфессионально акцентированный вариант русской исторической идентичности. В «документальных» повестях Г. В. Озерова о князьях Довмонте и Ольгерде можно усмотреть попытку совместить русскую национально-культурную историческую идентичность с литовской исторической идентичностью, привнести в русское историческое самосознание литовский элемент (или наоборот).

ИСТОЧНИКИ

- Адабашев И., 1957. Случай в рейсовом самолете (Научно-фантастический рассказ). *Советская Литва*. Кн. 4, 129–136.
- Артемов Н., 1961. Из фронтовых дневников. Стихи. *Советская Литва*. Кн. 7, 106–107.
- Артемов Н., 1975. У старых окопов. *Литва литературная*. 1975, 145.
- Артемов Н., 1978. Сердце солдата. Воспоминание. Крещение. Костел. «День весь в разрывах и пальбе...». Бронбойщик. Стихи. *Литва литературная*. 1977, 99–100.
- Асовский В., 1989. Пир князя Радзивилла. *Комсомольская правда*. № 222 (11377), 22 ноября, 3.
- Асовский В., 1992. *Вильнюсский дивертисмент: стихи*. Vilnius: Лукас.
- Асовский В., 1996. «Рукописями неизданных книг загроможден подоконник». С писателем Г. Метельским беседует В. Асовский. *Вильнюс*. № 3, 4–10.
- Баранов А., 1973. «... я вырос в деревне». *Литва литературная*. 1973, 175.
- Барановский В., 1978. Плач в тишине. Рассказ. *Литва литературная*. № 3, 100–120.
- Барановский В., 1989. *Багряный град: Повести*. Вильнюс: Вага.
- Барановский В., 1993. «Сердце кручиною бывает...» Рассказ. *Эхо Литвы*. № 69 (14955), 14 марта.
- Барановский В., 1994а. Предсказание царского лекаря. Рассказ. *Эхо Литвы*. № 81 (15221), 27 апреля.

- Барановский В., 1994б. Сын отца своего. Рассказ. *Эхо Литвы*. № 126 (15266), 29 июня.
- Барановский В., 1994в. Погребение младенца. Рассказ. *Вильнюс*. № 9, 64–88.
- Барановский В., 1994г. Ради веры святой. Рассказ. *Эхо Литвы*. № 214 (15354), 2 ноября.
- Барановский В., 1999. Романс для Анны Керн. Рассказ. *Вильнюс*. № 3, 144–154.
- Барановский В., 2008. *Боярыня Морозова. Историческая повесть*. Рига: Рижская Гребенщико-вская старообрядческая община.
- Барановский В., 2013. *Времена и судьбы. Проза. Обозрения. Статьи*. Даугавпилс: V Prints.
- Бикулич В., 1968. Остановка в пути. Очерк. *Литва литературная*. 1968, 112–120.
- Вайсберг Л., 1972. Петенька из «колдовской» эскадрильи. Сентиментальный рассказ. *Литва литературная*. 1972, 80–91.
- Вайсберг Л., 1985. *Дорога без брода: Повести*. Вильнюс: Vaga.
- Веллер А., 1958. Песня. *Советская Литва*. Кн. 5, 149.
- Вольф С., 1956. Дело о разводе. *Советская Литва*. Кн. 3, 228–241.
- Воробьев К., 1958. Верное сердце: комсомолец А. Чепонис. *Советская Литва*. Кн. 5, 229–245.
- Воробьев К., 1962. Крик. Маленькая повесть. *Советская Литва*. Кн. 8, 37–80.
- Воробьев К., 1976. *Крик. Повести*. Вильнюс: Vaga.
- Воробьев К., 1978. ...И всему роду твоему. Вильнюс: Vaga.
- Воробьев К., 1984. *Повести*. Вильнюс: Vaga.
- Гельбак П., 1954. Решающий шаг. *Советская Литва. Альманах*. Кн. 1, 11–23.
- Гельбак П., 1955. Встреча. *Советская Литва*. Кн. 2, 94–107.
- Гельбак П., 1970. Если хочешь быть космонавтом... (Повесть). *Литва литературная*. 1970, 8–32.
- Гельбак П. А. 1974. *Сын чекиста. Роман*. Москва: Молодая гвардия.
- Гельбак П. 1975. *Земляки: повести*. Вильнюс: Вага.
- Гельбак П. 1984а. *Ехали дрожки... Повести и очерки*. Вильнюс: Vaga.
- Гельбак П. 1984б. *Срочно в набор. Записки старого журналиста*. Вильнюс: Минтис.
- Гельбак П., Кашницкий И., 1958. Партии рядовой. Повесть о старом большевике. *Советская Литва*. Кн. 5, 24–76.
- Горбунов Ф., 1958. Четыре стихотворения. *Советская Литва*. Кн. 5, 134.
- Горбунов Ф., 1960. На берегах Немана. Стихи. *Советская Литва*. Кн. 6, 172–176.
- Григорьев Ю., 1967. Песня о вересковом меде. *Литва литературная*. 1967, 66.
- Григорьев Ю., 1968. *Август*. Вильнюс: Вага.
- Григорьев Ю., 1987. Золушки после бала. Рассказ. *Вильнюс*. № 11, 102–110.
- Дидусенко А., 1954. Из блокнота корреспондента. *Советская Литва*. Кн. 1, 55–77.
- Зак М., 1963. В эшелоне. Письмо. Стихи. *Советская Литва. Альманах*. Кн. 9, 59–60.
- Зак М., 1969. Счастье. После боя. Товарищи. Стихи. *Литва литературная*. 1969, 84–85.
- Канович Г., Ханеев О., 1960. Умом и сердцем. Пьеса. *Советская Литва*. Кн. 6, 56–135.
- Кашницкий И., 1989. *Берег левый, берег правый...: повесть и рассказы*. Вильнюс: Вага.
- Кашницкий И., 1961. Серебряная мелодия. Рассказ. *Советская Литва*. Кн. 7, 49–56.
- Кашницкий И., 1966. Крылья. Рассказ. *Литва литературная*. 1966, 62–83.
- Кашницкий И., 1969. Всем смертям назло (По следам одного письма). *Литва литературная*. 1969, 109–119.
- Кашницкий И., 1972. Песня. Рассказ. *Литва литературная*. 1972, 143–146.
- Кашницкий И., 1974. На огненной черте: Герой, брат героя. Над пропастью. Генерал. Ни шагу назад. *Литва литературная*. 1974, 118–134.

- Кобрин Ю., 1972. Зоя. *Литва литературная*. 1972, 107.
- Кобрин Ю., 1974. Из вильнюсской тетради «Пятый год. На Трехкрестовке ветер...». *Литва литературная*. 1974, 72–74.
- Колесников Л., 1966. Матросский комиссар. Рассказ. *Литва литературная*. 1966, 106–112.
- Куренков И., 1956. Операция. *Советская Литва*. Кн. 3, 252–258.
- Коновалов В., 1973. Мать. *Литва литературная*. 1973, 169.
- Коновалов В., 1978. Курочка Ряба. *Литва литературная*. № 1, 120–124.
- Коновалов В., 1985а. Сад нашей матушки. Рассказ. *Литва литературная*. № 1, 25–75.
- Коновалов В., 1985б. *Сад нашей матушки: Повести и рассказы*. Вильнюс: Вага.
- Лопухин Г., 1960. Охотники северных морей. *Советская Литва*. Кн. 6, 267–290.
- Мартынова Ц., 1991. Писатель Георгий Метельский: «Разум не может не победить». Беседу вела Ц. Мартынова. *Литва Советская*. № 29 (14246), 22 марта, 3.
- Метельский Г., 1960а. *Лесовичка*. Вильнюс: Гослитиздат.
- Метельский Г., 1960б. Повесть о янтаре. *Советская Литва*. Кн. 6, 291–319.
- Метельский Г. В., 1961. *Судьбы деревни Пирчюпис*. Москва: Молодая гвардия.
- Метельский Г., 1957а. *В краю Немана*. Москва: Молодая гвардия.
- Метельский Г., 1957б. Открытие. *Советская Литва*. Кн. 4, 189–199.
- Метельский Г., 1954. Сигнал бедствия. *Советская Литва*. Кн. 1, 101–104.
- Метельский Г., 1955. Дороги и встречи (Из путевого блокнота). *Советская Литва*. Кн. 2, 49–88.
- Метельский Г., 1969а. *Скрещенные стрелы*. Роман. Вильнюс: Вайзас.
- Метельский Г., 1969б. *Янтарный берег*. Москва: Мысль.
- Метельский Г., 1972. *Доленго: Повесть о С. Сераковском*. Москва: Политиздат (Пламенные революционеры).
- Метельский Г. В., 1976. *Неповторимый: повесть о Петре Смидовиче*. Москва: Политиздат (Пламенные революционеры).
- Метельский Г., 1981. *Быстры, как волны... Повесть и роман*. Вильнюс: Вага.
- Метельский Г. В., 1982. *Неповторимый: повесть о Петре Смидовиче*. 2-е изд. Москва: Политиздат (Пламенные революционеры).
- Метельский Г. В., 1983. *Чувства добрые я лирой пробуждал. Повесть о забытом музыканте*. Москва: Советский писатель.
- Метельский Г. В., 1984. *До последнего дыхания. Повесть об Иване Фиолетове*. Москва: Политиздат (Пламенные революционеры).
- Метельский Г., 1985. Размышления о Паланге. *Литва литературная*. № 3, 159–167.
- Метельский Г., 1993а. Маша. *Эхо Литвы*. № 20 (14906), 2 февраля, 5.
- Метельский Г., 1993б. Шутники. Глава из романа «И стелется пред нами жизнь его». *Эхо Литвы*. № 175 (15061), 9 сентября, 5.
- Метельский Г., 1993в. Гость из Франции. *Эхо Литвы*. № 233 (15119), 1 декабря, 7.
- Метельский Г., 1993г. Верую, Господи, и исповедую... Глава из повести о последней любви Ф. И. Тютчева «Заря вечерняя». *Эхо Литвы*. № 245 (15131), 17 декабря, 7.
- Метельский Г., 1994. Выстрел. Рассказ. *Эхо Литвы*. № 156 (15296), 11 августа, 9.
- Метельский Г., 1995а. «... и стелется пред нами жизнь его»: жизнь и смерть А. К. Толстого. Вильнюс: Вага.
- Метельский Г., 1995б. *Сергей Мальцов. Повесть о миллионере-подвижнике*. Брянск: Товарищество «Придесенье», 1995.

- Метельский Г., 1995в. *Заря вечерняя. Повесть о последней любви Федора Ивановича Тютчева*. Брянск: Товарищество «Придесенье».
- Метельский Г., Некрасов Г., [1956]. Флаг свободы. *Советская Литва*. Кн. 3, 60–118.
- Метельский Г., Некрасов Г., 1957. *Флаг свободы*. Вильнюс. Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР.
- Моргун А., 1974. Страшно, как на войне. *Литва литературная*. 1974, 162–164.
- Оверко Ю., 1954. Ключи. *Советская Литва*. Кн. 11, 26–127.
- Озеров Г., 1993. *Уйти, чтобы вернуться. Роман-хроника*. Вильнюс: Жиня (Весть).
- Озеров Г., 1996а. Князь Тимофей-Довмонт. *Вильнюс*. № 4, 158–162.
- Озеров Г., 1996б. Евфросиниевское кладбище. *Вильнюс*. № 5, 143–151.
- Озеров Г., 1996в. Пречистенский собор. *Вильнюс*. № 6, 151–159.
- Озеров Г., 1997. *Ночная радуга: роман-фантазия*. Вильнюс [i. e. Trakai]: Barbora.
- Озеров Г., 1999. Князь Довмонт: «Чести своей никому не отдам»: документальная повесть о славном рыцаре Даумантасе-Тимофее, князе литовском и псковском. Вильнюс: Barbora.
- Озеров Г., 2000а. Князь Довмонт: «Чести своей никому не отдам»: документальная повесть о славном рыцаре Даумантасе-Тимофее, князе литовском и псковском. 2-е изд. Вильнюс: Barbora.
- Озеров Г., 2000б. *Загадка великого князя Ольгерда (Альгирдаса): документальная повесть по стародавним источникам*. Вильнюс: Barbora.
- Плечом к плечу работают на фабриках и заводах... 1954. *Советская Литва*. Кн. 1, 3.
- Пономаренко Ю., 1962. Говорящий попугай. Рассказ. *Советская Литва*. Кн. 8, 125–127.
- Рыбочкин А., 1966. Строки о Вильнюсе. *Литва литературная*. 1966, 114.
- Севела В., [1955]. На реке Шешупе. *Советская Литва*. Кн. 2, 198–215.
- Устинов В., 1953. *Лирика*. Вильнюс: ГИХЛ ЛитССР.
- Устинов В., 1954. Дорогие имена. Дзержинский в Вильнюсе. В партийной библиотеке. Наш Вильнюс. *Советская Литва*. Кн. 1, 24–29.
- Bartasevičius V., 1993. Grigorijus Kanovičius: „Lietuvoje niekadoms nebuvau svetimas, bet niekuomet nebuvau ir savas...“. Atsiveikinimo interviu su žinomą rašytoju. *Lietuvos rytas*. Nr. 142, liepos 27 d., 25.
- Vosylius J., sud. 1992. *Literatūra 1940–1960: Dokumentų rinkinys*. Vilnius: Academia.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровичус В., 1994. [рец.:] Григорий Озеров. Уйти, чтобы вернуться. Роман-хроника. Вильнюс, «Жиня», 1993. *Вильнюс*. № 2, 146–147.
- Бахметьева Е., 1993. Уйти, чтобы вернуться. *Голос Литвы*. № 38 (139), 13–19 октября.
- Дагите Э., Страукайте Д., 1978. *Писатели Советской Литвы. Биографический словарь*. Вильнюс: Vaga.
- Ерофеев В., 1996. *Страшный суд. Рассказы. Маленькие эссе*. Москва: Союз фотохудожников России.
- Лавриненц П., 1999. От Новой жизни к Красному знамени. Русская газета Вильнюса 1940–1941 гг. In: Lapinskienė A., sud. *Vilniaus kultūrinis gyvenimas (1939–1945)*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 114–130.

- Лавринцев П., 2002. К истории Виленского содружества поэтов. *Literatūra* 44 (2), 63–76.
- Лавринцев П., 2012. По страницам дела С. И. Шовгенова (Нальянча). *Ил:* Белобровцева И., Меймре А., Флейшман Л., ред. *Avoti. Труды по балто-русским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина. Part II. Stanford (Stanford Slavic Studies. Vol. 43), 171–211.*
- Маркиш Ш., Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки. *Новое литературное обозрение*. 1995, № 15, 217 – 250.
- Dagytė E., Straukaitė D., 1975. *Tarybų Lietuvos rašytojai. Biografinis žodynas*. Vilnius: Vaga.
- Jankowski A., 2004. *Проза Эфраима Севелы. Из истории русской литературы третьей эмигрантской волны*. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej.
- Krukauskienė E., 2002. Miestiečių kultūrinis tapatumas. *Filosofija, sociologija*. Nr. 1, 40–46.
- Laukkonen T., 2012. *(Po)sovietinė rusų poezija Lietuvoje: literatūrinio elgesio strategijos. Daktaro disertacija*. Vilnius: Vilniaus universitetas, Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2012.